

Смрѣху

FERNANDO
ARAMBURU

Los
Vencejos

ФЕРНАНДО
АРАМБУРУ
Сторожки
роман

Перевод с испанского
Нatalьи Богомолowej

издательство **AST**

Москва

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
А79

First published in Spanish as *Los vencejos* by TUSQUETS EDITORES, S.A.,
Barcelona, Spain, 2021

This edition published by arrangement with TUSQUETS EDITORES
and ELKOST INTL. LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Арамбуру, Фернандо.

А79 Стрижи : роман / Фернандо Арамбуру; пер. с исп. Н. Богомоловой. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 720 с.

ISBN 978-5-17-146515-5

Роман Фернандо Арамбуру “Стрижи” увидел свет через пять лет после его знаменитой “Родины”, переведенной на 34 языка и принесшей автору мировую славу. К удивлению многих, на сей раз писатель резко сменил не только тему, но и стиль письма. Герой “Стрижей”, пятидесятилетний преподаватель философии Тони, вроде бы без очевидной причины решает покончить с собой. И назначает точную дату собственной смерти, дав себе год на завершение дел. Тогда же он начинает вести дневник, где каждый вечер описывает события минувшего дня, а также восстанавливает историю своей жизни. Цель дневника — разобраться в себе самом и понять, почему ему так бесповоротно расхотелось оставаться на этой земле. Дневник предельно откровенен, в нем Тони без стеснения выплескивает самые потаенные чувства, вскрывает мотивы самых неприглядных поступков и размышляет о природе счастья, любви, дружбы и семейных отношений.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-146515-5

- © Fernando Aramburu, 2021
- © Agustín Escudero, original cover design, photographs: © Julia Davila-Lampe / Getty Images, © Jvphoto / Alamy / ACI
- © Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2023
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023
- © ООО “Издательство АСТ”, 2023
Издательство CORPUS ®

Оглавление

АВГУСТ	11
СЕНТЯБРЬ	67
ОКТАБРЬ	125
НОЯБРЬ	190
ДЕКАБРЬ	243
ЯНВАРЬ	301
ФЕВРАЛЬ	359
МАРТ	417
АПРЕЛЬ	475
МАЙ	536
ИЮНЬ	594
ИЮЛЬ	651
Шесть дней спустя	713

Тебе, Ла Гуана

АВГУСТ

1.

Рано или поздно наступает день, когда любой человек, даже самый тупой, начинает понимать некоторые вещи. Со мной это случилось где-то ближе к середине отрочества, не раньше, так как взростеть я не спешил и, по словам Амалии, так до конца никогда и не повзрослел.

Сначала я удивился, удивление сменилось разочарованием, а потом все в моей жизни и вовсе пошло наперекосяк. Были периоды, когда я сравнивал себя со слизняком. Не потому, что был некрасивым и хлипким, и не потому, что сегодня по причине особенно мрачного настроения мне хочется вспоминать себя именно таким. Просто я видел что-то родственное в свойственной слизнякам манере передвигаться и вообще существовать — неспешно и однообразно.

Жить мне осталось немного. Всего один год. Почему именно год? Трудно сказать. Но больше я точно не выдержу. Амалия, когда ее душила ненависть, обычно кричала, что я как был, так и останусь навсегда желторотым птенцом. Впрочем, женщины в порыве гнева часто пускают в ход подобные упреки. Моя мать тоже ненавидела моего отца, и я ее понимаю. Да он и сам себя ненавидел, и этим, видимо, объяснялась его привычка давать волю кулакам. Отличный пример имели мы с братом перед собой в родительском доме! И вообще, ведь что получается: они воспитывают нас черт знает как, калечат нам души, а потом хотят, чтобы мы выросли порядочными,

благодарными, добрыми людьми — и непременно добились в жизни успеха.

Лично мне жизнь не нравится. Возможно, она действительно прекрасна, как утверждают некоторые поэты и певцы, но мне она, повторяю, не нравится. И пусть никто не лезет ко мне со своими восторгами, описывая красоту закатного неба, или музыки, или полосок на тигриной шкуре. Хрен ли толку ото всей этой красоты! Жизнь кажется мне изобретением порочным, плохо задуманным и еще хуже реализованным. Я даже хотел бы поверить в существование Бога, чтобы призвать Его к ответу. И бросить Ему в лицо, что Он халтурщик. По-моему, Бог — это грязный старикашка, который с космических высот наблюдает, как разные биологические виды спариваются, дерутся за место под солнцем и пожирают друг друга. Бога извиняет только то, что Его нет. Но в любом случае оправдать Его я не могу.

В детстве жизнь мне нравилась. Очень нравилась, хотя тогда я этого не сознавал. Вечером мама, прежде чем погасить свет, целовала мои закрытые глаза. Больше всего я любил мамин запах. А вот от отца пахло плохо. Не в том смысле, что от него чем-то воняло, нет, но даже когда он пользовался одеколоном, запах его меня почему-то отталкивал. Однажды мы с отцом вдвоем пообедали на кухне (мне было тогда лет семь или восемь), а мать лежала в постели с обычной своей мигренью, и он увидел, что я не хочу даже попробовать печенку, от одного вида которой меня тошнило. Отец просто взбесился, вытащил свой огромный член и сказал:

— Чтобы твой собственный когда-нибудь стал таким же, ты должен съесть и этот кусок печенки, и еще много-много других.

Не знаю, позволял ли он себе такое с моим братом. С Раулем родители нянчились куда больше, чем со мной. Видно, считали его слабеньким. Правда, теперь брат утверждает, что любимчиком в семье был я.

По мере того как я подрастал, жизнь нравилась мне все меньше и меньше, но все-таки еще нравилась. Зато сейчас не нравится вовсе, и я не намерен уступить Природе право решать, в какой миг буду обязан вернуть ей одолженные мне

на время атомы. Я покончу с собой ровно через год. Даже дату уже наметил: 31 июля, в среду вечером. Такой срок я даю себе, чтобы успеть привести в порядок дела и разобраться, почему не хочу больше жить. Надеюсь, решение мое будет неколебимо. Во всяком случае, пока я в этом твердо уверен.

Были периоды, когда я мечтал посвятить себя служению неким идеалам, но ничего из этого не вышло. Да и настоящую любовь мне узнать не довелось. Хотя я ловко притворялся — иногда из жалости, иногда из благодарности за ласковые слова, за проведенные вместе часы или за испытанный оргазм. Впрочем, думаю, другие вели и ведут себя точно так же. Наверное, во время сцены с несъеденной печенкой отец хотел таким вот необычным способом убедить меня в своей любви. К сожалению, есть вещи, которые ты, даже видя собственными глазами, не осознаешь разумом, пока не пропустишь через себя. Кроме того, любовь по принуждению — это не для меня. Может, я и вправду недоумок, как часто повторяла Амалия? Ну а другие? Все дело в том, что я не хочу быть таким, каков я есть. И поэтому без сожаления покину этот мир. Лицо у меня по-прежнему вполне привлекательное, и хотя мне уже исполнилось пятьдесят четыре, не лишен я и кое-каких достоинств, которые, правда, так и не сумел обратить себе на пользу. Я здоров, нормально зарабатываю, умею трезво взглянуть на вещи. Думаю, мне было бы полезно побывать на войне, как, впрочем, и моему отцу. Тот наверняка тоже мечтал поучаствовать в бою; а раз не довелось, воевал как со своими домашними, так и со всем, что нарушало его жизненный ритм, да и с самим собой в придачу. Еще один недоумок.

2.

В тот год мы всей семьей проводили летний отпуск на море, в поселке неподалеку от Аликанте. Наш папа был неудавшимся писателем, неудавшимся спортсменом, неудавшимся ученым и зарабатывал на жизнь, обучая студентов в университете. Мама служила на почте, вполне резонно решив обес-

печить себе финансовую независимость от мужа. То есть в материальном плане мы жили настолько хорошо, насколько это было в те времена доступно испанской семье среднего класса. У нас был новый синий “Seat-124”. Мы с братом Раулитом учились в частной школе, на август родители могли снять у моря апартаменты с террасой и выходом к общему бассейну. Иными словами, у нас было все необходимое, чтобы чувствовать себя в меру счастливыми. И в тогдашнем своем возрасте, в четырнадцать лет, я и считал это счастьем.

Я провалил экзамен по одному из предметов, и в сентябре меня ждала пересдача. Взяв в руки табель с оценками, мама несколько раз с укором всхлипнула, и у нее сразу же разыгралась мигрень. Папа, которого отличали более незатейливые реакции, отвесил мне оплеуху, обозвал тупицей и поспешил вернуться к своей газете. Но все это отнюдь не нарушило мирного течения моей жизни. Кстати сказать, в детстве я мечтал стать взрослым, чтобы лупить своих детей. С ранних лет я усвоил, что это самое лучшее воспитательное средство. Правда, потом на собственного сына ни разу не поднял руки — вот почему мальчишка таким у нас и вырос.

Именно во время того летнего отпуска я стал свидетелем сцены, из-за которой в голове у меня замигал красный сигнал тревоги. Однажды мы с Раулитом возвращались домой после игры в мини-гольф, и я сунул ему за шиворот маленькую ящерицу. Обычная ребяческая шалость. Он испугался. Вообще-то, с таким братом, как я, ему приходилось несладко. Когда мы оба уже стали взрослыми, он после какого-то семейного праздника обвинил меня в том, что я отравил ему детство. Ну что на это ответишь? Я выбрал самый удобный вариант: попросил у него прощения.

— Поздновато спохватился, — отрезал брат, которого переполняла долго копившаяся ненависть.

Почувствовав ящерку у себя на спине, Раулит очень смешно подпрыгнул, чего я, собственно, и добивался. Что было дальше? Он споткнулся, упал и покатился по каменной насыпи, отделявшей дорогу от лимонной рощи. Правда, потом легко

вскочил на ноги, но, увидав свои ободранные в кровь коленки, заорал благим матом. Я велел ему заткнуться. Разве он не понимает, что мне за это влетит? Мама, услышав громкие вопли, выбежала из дому на улицу, папа появился следом; внешне он был спокоен, но, как я думаю, злился, что дурацкий переполох оторвал его от чтения, или от сестры, или от чего-то еще. Мама при виде крови без лишних вопросов дала мне затрещину. Папа, словно бы нехотя, дал еще одну. Как правило, мама сердилась сильнее, но была не так больно, как он. Брата повезли в медпункт, расположенный на набережной. И час спустя Раулито вернулся с пластырем на коленках и с перемазанным мороженым ртом. А теперь он будет утверждать, что не был в семье любимчиком.

Меня в наказание лишили ужина. Они втроем молча сидели за столом, тыкая вилками в большие кружки помидоров с маслом и солью, а я, уже натянув пижаму, тайком наблюдал за ними, прячась на самом верху винтовой лестницы. Я хотел знаками показать брату, чтобы он прихватил мне чего-нибудь поесть, но этот олух ни разу не посмотрел в мою сторону. На плите стояла кастрюля с супом, от которой поднимался пар. Мама поставила полную тарелку перед Раулитом. Тот нагнулся, словно желая весь пар вдохнуть в себя. А я в своем укрытии умирал от голода и зависти. Тем временем мама снова подошла к кастрюле, на сей раз с папиной тарелкой, и, когда уже наполнила ее, незаметно туда плюнула. Впрочем, плюнула — не совсем точное слово. Она позволила упасть в тарелку ниточке своей слюны. Слюна секунду повисела у нее на губе, а потом сорвалась вниз. Мама быстро перемешала половником суп в тарелке и подала папе. Мне со своего места хотелось предупредить его, но я вдруг понял, что сперва надо как следует обмозговать увиденное. Наши родители часто ссорились. Может, и в этот вечер они уже успели поссориться и потому ужинали молча и не глядя друг на друга? А вдруг мама и мне тоже когда-нибудь плевала в тарелку? Не исключено, конечно, что материнская слюна очень полезна, но тогда почему мама не плюнула и в суп Раулитом? Почему обидела своего несчастного любим-